

Екатерина Бурдаева

Так совпало Особенная НАСТЯ

Екатерина Бурдаева

"Так совпало". Особенная Настя

«Автор»

2026

Бурдаева Е.

"Так совпало". Особенная Настя / Е. Бурдаева — «Автор», 2026

Десятиклассница Настя Воробьёва учится в самой образцовой гимназии Москвы, где опоздание считается вызовом обществу, а прогул почти преступлением. И всё же она пропускает уроки с завидной регулярностью, каждый раз принося объяснение, от которого у учителей дёргается глаз: то потерявшиеся студенты из Ганы, то балерина Большого театра в провале асфальта, то ещё что-нибудь невероятное. Учителя не верят ни единому слову, но делают вид, что верят, ведь мама Насти — начальница в мэрии. На все вопросы Настя пожимает плечами: «Ну, так совпало». Но однажды утром, когда она твёрдо решила прийти вовремя, у ворот секретного НИИ ей приходится совершить прыжок, который увидит вся страна. Это ироничная и тёплая история о девочке, с которой постоянно что-то случается. И о том, что даже самая невероятная история иногда оказывается правдой.

© Бурдаева Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. В которой выясняется, что Гана находится в Москве	5
Глава вторая. Об асфальте, который проваливается, и о Кармен, которая не стареет	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Екатерина Бурдаева

"Так совпало". Особенная Настя

Глава первая. В которой выясняется, что Гана находится в Москве

Сразу хочу предупредить: я ничего не выдумываю. То есть выдумываю, конечно, я же пишу рассказ, но всё, что тут выдумано, гораздо правдоподобнее того, что было на самом деле. С правдой вообще так бывает — она совершенно не заботится о том, чтобы ей верили.

Гимназия номер две тысячи сто восемь с углублённым изучением всего на свете считалась в своём округе образцовой. Это означало следующее: турникеты на входе пищали так, будто в каждого ученика вшит контрабандный чип; электронный журнал присылал родителям сообщение о двойке раньше, чем учитель успевал её поставить; а директор, Эльвира Станиславовна Пестрякова, ходила по коридорам бесшумно, как рысь в тапочках, и возникала ровно там, где кто-то собирался съесть чипсы. Опоздание на пять минут здесь расценивалось как мелкое хулиганство, на пятнадцать — как вызов обществу, а прогул... О прогуле в гимназии говорили шёпотом, как о холере.

И вот в этой цитадели порядка училась Настя Воробьёва.

Настя была длинная, как баскетбольная стойка, с русым хвостом, который при ходьбе мотался из стороны в сторону, как метроном, и с ногами, которые физрук Степан Ильич называл «государственным достоянием». Она бегала третий этап в эстафете, прыгала в длину так, что рулетки не хватало, и играла в баскетбол в школьной сборной, где её боялись даже мальчики из одиннадцатого. Училась она, что самое возмутительное, хорошо. Не блестяще, но хорошо — четвёрки, пятёрки, иногда, для разнообразия, тройка по химии, на которую она смотрела с лёгким удивлением, как на розового хомячка.

У Насти был только один недостаток: она прогуливала. Систематически, вдохновенно и с такими объяснениями, от которых у классной руководительницы, математички Марины Аркадьевны Шпак, дёргался левый глаз. Правый держался — Марина Аркадьевна была женщина закалённая.

Жила Настя с мамой. Мама, Елена Викторовна Воробьёва, служила начальником отдела в департаменте благоустройства мэрии, то есть отвечала за плитку, бордюры, асфальт, лавочки и прочие поверхности, по которым ходит, сидит и спотыкается московское население. Женщина она была стремительная, в костюме цвета скороспелой вишни и с телефоном, который звонил даже во сне. Отца не было. Про отца мама говорила коротко: «Человек-ветер. Сел на мотоцикл и уехал искать себя. Видимо, до сих пор ищет». На этом тема закрывалась, как люк — плотно и с лязгом.

Ещё одну деталь я упомяну сейчас, хотя к сюжету она вроде бы не относится. Весной, на диспансеризации, школьная медсестра Олеся Денисовна долго смотрела в Настину карточку, потом поверх очков на Настю, потом опять в карточку.

— Четвёртая отрицательная, — сказала она с уважением. — Ты, Воробьёва, у нас одна такая на всю гимназию. Редкость. Береги себя.

— А я чего, я берегу, — удивилась Настя.

— Вот и береги, — строго сказала Олеся Денисовна и записала что-то в журнал с таким видом, будто Настя была редким жуком, которого надо хранить в футляре из пулнепробиваемого стекла.

Запомните это. Я бы на вашем месте запомнила.

Первая история, которая вошла в школьные анналы, случилась в октябре. Настя явилась к четвёртому уроку, слегка запыхавшаяся, с румянцем во всю щёку и почему-то с маленьким деревянным слоником в руке.

— Воробьёва, — сказала Марина Аркадьевна тем голосом, которым обычно объявляла контрольную. — Где три урока?

— Марина Аркадьевна, я не виновата, — честно сказала Настя. — Я шла в школу, а на Китай-городе стоят студенты из Ганы. Человек двенадцать. Первый курс, медицинский, неделю как в Москве. У них была экскурсия, и куратор потерялся. Ну, то есть он не совсем потерялся, он в метро сел не в тот вагон, а они остались. По-русски они знают «здравствуйте», «спасибо» и «сколько стоит». А телефоны у них ещё с ганскими симками, денег на роуминге нет.

— И?

— И я спросила по-английски, что случилось. А они так обрадовались! Один, Кваме, меня даже обнял. И я подумала: ну нельзя же их бросать. Они же в чужой стране. Они же будущие врачи, может, они потом кого-нибудь вылечат.

— И ты, — медленно произнесла Марина Аркадьевна, — провела им экскурсию.

— Ну а что было делать? Они спрашивали: «What is this?» Я рассказывала. Про Китай-город, что там никакого Китая нет, а это от слова «кита», плетёные такие укрепления. Про Варварку. Про Зарядье. На парящий мост сходили, их там чуть ветром не сдуло, они кричали «Wow!» и снимали видео. Потом на Красную площадь. Я им про Василия Блаженного рассказывала, что его зодчих якобы ослепили, они очень расстроились, пришлось сказать, что это, скорее всего, легенда. А потом я их до общежития проводила. На Миклухо-Маклая. Это ж у чёрта на рогах, Марин Аркадьевна, мы час ехали!

— А куратор?

— А куратор там ждал. Белый как мел. Он думал, его уволят.

Марина Аркадьевна посмотрела на слоника.

— А это что?

— Это Кваме подарил. На память. Он говорит, у них слон — символ мудрости и силы. И чтобы я обязательно приехала в Аккру. — Настя помолчала и добавила со вздохом: — Ну вот так совпало, что именно я там оказалась.

Это «так совпало» Марина Аркадьевна потом слышала столько раз, что однажды оно ей приснилось. Причём во сне его произносил министр просвещения, и это было ещё страшнее.

Глава вторая. Об асфальте, который проваливается, и о Кармен, которая не стареет

В учительской гимназии стоял электрочайник, который закипал с таким рёвом, будто собирался взлететь. Под этот рёв и обсуждались все важные педагогические вопросы.

— Гана! — говорила Марина Аркадьевна, размешивая сахар с такой силой, что ложка звенела, как колокол. — Двенадцать человек! Медицинский факультет! Парящий мост! У неё фантазия, как у Жюль Верна.

— А слоник? — спросила англичанка Ольга Дмитриевна, женщина мягкая и склонная верить людям, за что постоянно страдала.

— А что слоник? Такой слоник продаётся в любом сувенирном на Арбате за триста рублей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.